

Севернее поселения Барсуки на городище Тясты, расположенном на левом берегу р. Дриссы, в километре выше устья р. Свольны, весь керамический комплекс состоит в основном из гладкостенных сосудов с тонкими прямыми и слегка выпуклыми стенками. Сосуды выявленных форм широко распространены в Латвии (городище Кентескалнс и особенно Мукукалнс) и относятся к III-UI и более поздним векам. Встречено до 15% горшков с мелкой шероховатостью. Посуда банцеровско-туземлянского типа не зафиксирована.

Еще севернее этого поселения в районе Освейского озера, на городище Урагово, по свидетельству К.П.Шута, имеется ранняя керамика днепро-двинской культуры и поздняя - банцеровско-туземлянского типа. При тщательном изучении керамической коллекции с этого поселения нами была выявлена также облитая керамика с небольшой шероховатостью.

При изучении городища и селища близ деревни Прудники Миорского р-на за последние шесть лет выявлена главным образом грубооблитая и с мелкой шероховатостью керамика I тысячелетия н.э., причем последняя зафиксирована в основном на селище. Здесь же обнаружено незначительное количество черепков поздних форм днепро-двинской культуры. Керамика банцеровско-туземлянского типа практически отсутствует.

Таким образом, можно утверждать, что в последних веках первой половины I тысячелетия н.э. на территории северо-запада Белоруссии жило смешанное население носителей культур днепро-двинской и штрихованной керамики и поселений с ранней облитой керамикой. Область смешения в правобережном Подвиньи доходила до линии Освей-Волыньцы-Дисна.

С расширением круга древностей банцеровско-туземлянского облика население, производящее облитую посуду, или ассимилируется, или оттесняется к западу. Там же,

где этого не происходит, керамическая посуда продолжает свое развитие в виде грубооблитых, чаще ведерных форм сосуда (городище и селище Прудники). Подобное, видимо, происходит и на порубежном левобережье Зап. Двины. Однако недостаточная изученность памятников второй половины I тысячелетия н.э. на данной территории не позволяет пока очертить область с наличием вышеуказанных этнических процессов.

В.Шумкин (Ленинград)

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА (К ПРОБЛЕМЕ ПРОИСХОЖДЕНИЯ СААМОВ)

Время и пути заселения древнейшими обитателями Кольского п-ва теснейшим образом связаны с проблемой происхождения культуры комса. Родственность этих групп населения не вызывает сомнения, однако пути проникновения человека на север Финноскандии остаются остродискуссионным вопросом. Наиболее обоснованно современными данными "ядро" гипотезы Е.Фрейндта, который связывал путь проникновения культуры комса с западным побережьем Норвегии. В настоящее время считается доказанной родственность культур комса и фосна и их сосуществование в Финноскандии в начале VIII тысячелетия до н.э. (C₁₄ - 7800 до н.э.). Они составляют две "волны" заселения из одного района, который занимали памятники аренсбургской традиции. В пребореальном - раннем бореальном периодах начинается вызванное изменением природных условий и последовавшим за ним кризисом хозяйства охотников на северного оленя движение населения этого круга памятников на север и восток. Сходная ситуация сложилась и среди носителей свидебрской культуры. Следы связанных с этим передвижений и фиксируют образовавшиеся на севере культуры

комса-фосна и суомусярви. Население первой проникло в Фенноскандию и на Кольский п-ов, население второй — вдоль южного берега Балтики, в Карелию и Финляндию. Некоторое сходство каменных индустрий культур комса-фосна и суомусярви объясняется тем, что их носители, обладая сходной сырьевой базой, проходят стадию адаптации к местным условиям. Впоследствии появляются значительные отличия в технике обработки и использования новых материалов, обусловленные относительной изоляцией части населения культуры комса (особенно на Кольском п-ве), хозяйственной ориентацией и своеобразием природной обстановки.

Неолитическая эпоха (начало IV—конец III тысячелетия до н.э.) характеризуется выходом населения из вынужденной изоляции, установлением контактов с обитателями соседних территорий, расширением территории расселения, использованием новых видов сырья, прогрессивными изменениями в технике обработки, расширением ассортимента каменных орудий и изделий, появлением и быстрым освоением керамического производства, дальнейшей дифференциацией хозяйства морских охотников и охотников-рыболовов материковых районов.

Характерными чертами эпохи раннего металла (начало II — начало I тысячелетия до н.э.) являются: полное освоение всей территории и значительной части природных ресурсов, устойчивый образ жизни и материкового, и приморского населения, несомненный прогресс в каменной и костяной индустрии, четкая выраженность хозяйственных направлений, усиление контактов с населением соседних районов и их проникновение на данную территорию, расцвет искусства.

Опираясь на результаты археологических исследований, являющихся одним из основных компонентов комплексного изучения истоков происхождения и становления аборигенно-

го населения Крайнего Севера, используя данные антропологии, лингвистики, этнографии, топонимики, истории и геологии, можно воссоздать в общих чертах конкретно-исторический процесс развития древних обитателей Кольского п-ва.

По общепринятому мнению, проживающие в настоящее время на севере Фенноскандии саамы входят наряду с самодийцами, икагирами и эскимосами в число исконных обитателей Арктики. Территория Кольского п-ва была одним из основных ареалов формирования саамов (лопарей). Предки этой небольшой народности, вероятно, являлись древнейшим населением Европейского Заполярья, проникшим в начале голоцена в Фенноскандию из области распространения памятников аренсбургской традиции, и имели древний европеоидный расовый тип. Относительная изоляция этих коллективов в мезолитическое время способствовала сохранению своеобразного антропологического облика, формированию особого языка-первоосновы и сложению специфичной материальной культуры. Инфильтрация нового населения, начавшаяся в неолите и усилившаяся в эпоху раннего металла, не нарушила преемственности в развитии, идущей от мезолита, не изменила сформировавшийся в условиях изоляции "стойкий" расовый тип и самобытность и достаточно высокий уровень культуры, но отразилась в некоторых сферах хозяйственной и культурной деятельности и в отмечаемом лингвистами сходстве саамского языка с языками уральской языковой семьи.

Последующий период, совпадающий с железным веком, характеризуется резким кризисом хозяйства, вызванным изменением климата, особенно отразившимся на населении, специализировавшемся на морской охоте. Следствием этого явились распад крупных коллективов на мелкие бродячие группы и втягивание их в сферу торговли с юго-западным земледельческим населением. В результате указанных про-

цессов значительно изменился образ жизни автохтонного населения Кольского п-ва, произошли переключение на добычу пушнины и утрата ряда характерных черт традиционной материальной культуры, что затрудняет выявление кратковременных стойбищ железного века, идентификацию их обитателей и связь с предшествующим населением. Во второй половине I тысячелетия н.э. отдельные коллективы усваивают навыки оленеводства.

Само название аборигенов Кольского п-ва не сохранилось. Применяемые к ним этнонимы "лопари" (лопь) и "саамы" либо являются этнографическими терминами (лаапи - северные), либо объясняются длительными и давними контактами с обитателями соседних территорий, с которых, видимо, и было перенесено на них второе наименование (этноним "саамы" генетически родственен этническому собирательному названию самодийцев - самоядь).

Таким образом, история происхождения народности, называемой саамами, очень своеобразна. Древнее европеоидное население, впервые заселившее самый север Европы, путем длительной борьбы за существование достигло высокого уровня развития, а в некотором отношении даже опережало (специализированные приемы морской охоты) общества, находившиеся в сходных экологических условиях. Затем в результате неоднократных инфильтраций и кризиса хозяйства оно частично утратило и модифицировало многие элементы своей материальной культуры, в значительной степени язык и даже самоназвание: для одних, более южных народов стало просто "живущими севернее...", а для других - саамами. Основное историческое содержание эпохи средневековья составляет длительный процесс этнической консолидации аборигенов, но еще долго, вплоть до изменения социального устройства в СССР, это автохтонное гиперборейское население не могло достичь уровня развития соседних народов и числилось в разряде отсталых обществ.

ФОЛЬКЛОР

А. Виссел (Тарту)

ПАСТУШЕСКИЕ ПЕСНИ ЭСТОНЦЕВ И СОСЕДНИХ НАРОДОВ

Пастушеская песня - вокальная часть пастушеской музыки - известна почти у всех прибалтийско-финских (ливы, эстонцы, ижорцы, карелы и финны) и балтийских (латыши и литовцы) народов. У русских и белорусов встречается только инструментальная пастушеская музыка.

В эстонском, латышском и литовском фольклоре пастушеская песня относится к группе трудовых песен. Песня сопровождала пастуха начиная с выгона скота утром и кончая вечерним возвращением домой. Она помогала удерживать стадо вместе, общаться с пастухами-соседями или с домом, отгонять хищников, но была и развлечением, помогая коротать день.

Тексты латышских и литовских пастушеских песен отличаются от эстонских, но есть и общие мотивы: тяжелая доля пастуха; стадо; дома идет мачеха; ленивый пастух или пастушка (спит вместе с поросятами или собаками; в Эстонии - спит вместе с кошкой или собакой или у парня). Литовские, латышские и ижмо-эстонские песни содержат сиротские мотивы. Близкими могут быть также тексты окликов или переключек пастухов. Пастушеские песни, обращенные к солнцу или дождю, у латышей-литовцев и эстонцев различаются: у эстонцев и литовцев сильнее выражен элемент заклинания. Тема любви и супружества, которая отмечается у латышей, в эстонских пастушеских песнях отсутствует. В непосредственном соседстве с латышами, в Эстонии, можно встретить типы песен с латышским влиянием, например "Пастушок просит хляба" ("Сер,